

Евгений Е. Стефанский
Самара, Россия

О ДВУХ ПЕРИФЕРИЙНЫХ МИКРОСИСТЕМАХ СО ЗНАЧЕНИЕМ ГНЕВА В РУССКОМ, ПОЛЬСКОМ И ЧЕШСКОМ ЯЗЫКАХ

Интерес лингвистов, исследующих в сопоставительном плане способы вербализации эмоций, обычно сосредоточивается на языках, находящихся в отдаленном родстве либо вообще неродственных (см., например: Вежбицкая 2001, Miłojćzuk 2003, Агрессия 2004). Между тем микросистемы языковых единиц, в которых вербализовалась эмоция гнева, даже в таких близкородственных языках, как русский, польский и чешский, обнаруживают весьма яркое своеобразие. В настоящей статье будут рассмотрены две периферийных микросистемы со значением гнева в трех славянских языках. Эти микросистемы находятся на периферии семантического поля гнева во всех трех сравниваемых языках, тогда как центральное место в этом поле занимают лексемы *гнев*, *злоба*, *злость*, *ярость* и их польские и чешские соответствия (см. подробнее Стефанский 2007).

(1) **Гнев, направленный на демонстративную и публичную отрицательную оценку объекта**, передается в русском языке лексемами *негодование* и *возмущение* (и их дериватами), в польском языке — лексемой *oburzenie* (и другими словами, связанными с ней словообразовательно), в чешском языке — лексемой *rozhořčení* (и ее дериватами).

Рассматриваемые имена эмоций объединяет то, что они обозначают такой тип гнева, который, во-первых, вместе с гневающимся разделяет большая общественная группа, имеющая ту же систему ценностей, а во-вторых, причиной гнева нередко становятся чьи-либо действия, которые не обязательно напрямую связаны с субъектом гнева: мы чаще всего *возмущаемся* и *негодуем* по поводу событий, происходящих далеко от нас, вместе со всем «прогрессивным человечеством». См., например, типичные для публицистического дискурса обороты в примерах из Интернета:

Мировая общественность и зарубежные СМИ с **негодованием** отреагировали на убийство Политковской.

Глава МИД Японии с **негодованием** осуждает захват заложников в Беслане.

В России с **негодованием** восприняли попытки участников иранской конференции по Холокосту переписать историю.

Z oburzeniem przyjęliśmy opublikowanie w mediach skierowanego do władz kościelnych listu grupy osób, nazywających siebie „katolikami” i „świeckimi intelektualistami”. (С **негодованием** восприняли мы публикацию в СМИ обращенного к предстоятелям католической церкви письма группы лиц, называющих себя «католиками» и «светскими интеллектуалами»).

Prasa ukraińska **z oburzeniem** stwierdziła, że „koleje szantażują mieszkańców i władze Zakarpacia”. (Украинская пресса с негодованием констатировала, что «железные дороги шантажируют жителей и власти Закарпатья»).

Jego decyzja wywołała we Włoszech **powszechne oburzenie** i ostrą krytykę ze strony minister do spraw równouprawnienia Barbary Pollastrini. (Его решение вызвало в Италии всеобщее негодование и резкую критику со стороны министра по делам равноправия Барбары Полластрини).

Агнешка Миколайчук отмечает в связи с этой особенностью употребления польск. *oburzenie*, что данная лексема сочетается в польском языке с прилагательными *powszechny* и *ogólny* (оба имеют значение ‘общий, всеобщий’). Исследовательница полагает, что польская эмоция *oburzenie* оценивается переживающим его субъектом положительно потому, что она не связана с его непосредственным вовлечением в события, вызывающие гнев, и является желательной для общества, что подтверждается типичными для рассматриваемой лексемы сочетаниями *święte/słuszne oburzenie* (т.е. святое/справедливое негодование). См. Mikołajczuk 2000: 124–125.

Для русского языка характерны сочетания *благородное / справедливое негодование*, для чешского — *ušlechilé / spravedlivé rozhorčení*

Ср. в параллельных текстах:

В нравах дамы города N. были строги, исполнены **благородного негодования** противу всего порочного и всяких соблазнов, казнили без всякой пощады всякие слабости (Гоголь). — Mravů byly dámy města N. příšných, projevovaly **ušlechilé rozhorčení** nad každou neřestí a pokuím a obsuzovaly bez milosti každou slabost.

Негодование, во всех отношениях **справедливое**, изобразилось во многих лицах (Гоголь). — Na mnoha tvářích se odrazilo **rozhořčení**, v každém směru **spravedlivé**.

Миколайчук отмечает также, что ни в польских толковых словарях, ни в польских словарных картотеках не зафиксировано сочетаний лексем *oburzenie* с глаголами, обозначающими сдерживание соответствующей эмоции (как это характерно для большинства лексем со значением гнева). Справедливости ради, однако, следует сказать, что с помощью

поисковых систем в Интернете такие словосочетания найти можно. См., например: *tlumić odruchy oburzenia* ‘гасить порывы негодования’, *hamować oburzenie* ‘сдерживать, тормозить негодование’, *opanować oburzenie* ‘овладевать негодованием’. Имеются такие словосочетания и в польских переводах с русского. См. примеры из повести Пушкина *Капитанская дочка*:

В русском оригинале	В польском переводе	В чешском переводе
— С охотою. Это значит, что ежели хочешь, чтоб Маша Миронова ходила к тебе в сумерки, то вместо нежных стишков подари ей пару серег. Кровь моя закипела. — А почему ты об ней такого мнения? — спросил я, с трудом удерживая свое негодование .	— Chętnie. Jeśli chcesz, by Maria Iwanowna odwiedziła cię o zmierzchu, podaruj jej zamiast tkliwych wierszy parę kolczyków. Krew zagrała we mnie. — A na czym ty opierasz taką o niej opinię? — spytałem, z wysiłkiem hamując oburzenie .	„Rád; to znamená, že když chceš, aby Maša Mironovová k tobě večer chodila, dej jí místo něžných veršiků pár náušnic.” Vzkypěla mi krev. „A proč máš o ní takové takové mínění?” zeptal jsem se, ovládaje jen stěží svou nevoli .
Проходя мимо площади, я увидел несколько башкирцев, которые теснились около виселицы и стаскивали сапоги с повешенных; с трудом удержал я порыв негодования , чувствуя бесполезность заступления.	Przechodząc przez plac ujrzałem kilku Baszkirów, krzających się koło szubienicy i ściągających z wisielców buty; z trudem powstrzymałem poryw oburzenia czując bezsilność.	Když jsem šel kolem návsi, spatřil jsem několik Baškirců, kteří se tlačili kolem šibenicy a zouvali oběšencům boty; stěží jsem zvládl záchvat nevole , citě zbytečnost svého vměšování.

Тем не менее подобные словосочетания в польском языке практически единичны на фоне многочисленных примеров типа русск. *сдерживать негодование, возмущение*.

Чешские же переводы приведенных выше фрагментов свидетельствуют о том, что чешск. *rozhořčení* подобных словосочетаний не образует. Переводчик прибегает здесь к трансформации, передавая пушкинское *удержать негодование* сочетанием *zvládnout/ovládnout nevoli* ‘овладеть недовольством’.

Таким образом, если польск. *oburzenie* и чешск. *rozhořčení* оцениваются и субъектом гнева и наблюдателем главным образом положительно, то оценка русск. *возмущение* и *негодование* не столь однозначна.

Она допускает определенную иронию со стороны наблюдателя. Ср. параллельные тексты:

A tak byl rád, že zase může chytat lidi za srdce, mluvil o hroznych justičních vraždách s takovým citem, že lidé div neplakali, cítila jsem, jak je *šťasten* ve svém *rozhořčení*, a nenáviděla jsem ho (Кундера). — Тогда он [Павел] обрадовался, что снова может пронимать людей до самого сердца, он говорил о чудовищных казнях без вины осужденных с таким вдохновением, что люди чуть не плакали, я чувствовала, как он *унивается* своим *негодованием*, и ненавидела его.

Показательно, что в приведенном примере переводчица Наталия Шульгина на месте чешск. *jak je šťasten ve svém rozhořčení* ‘как он **счастлив** в своем негодовании’ употребляет трансформированное *как он унивается своим негодованием*. Глагол *унивается* оценивает негодование Павла сразу с двух позиций: сам он доволен своим благородным гневом, а его жена, рассказывающая об этом, негативно оценивает его гнев.

Анализируемые имена эмоций в данной группе имеют разную внутреннюю форму и этимологически неродственны (в отличие от лексем, составляющих ядро концепта гнева и многих слов, входящих в другие периферийные группы).

Русск. *негодование* образовано от др.-русск. *негодъ* ‘неудовольствие’ и буквально означает состояние того, кому не угодили (Фасмер: III; 57, Летягова: 208).

Возмущение связано с *мутить* ‘делать жидкость мутной, поднимая мелкие частицы’. Таким образом, в данном случае использована типичная для гнева метафора «гнев — это двигательное возбуждение» (см. Лакофф 2004). Польский и чешский языки образуют от этого корня другое имя эмоции — *smutek* ‘грусть, печаль’.

Чешск. *rozhořčení* соотносится с глаголами *rozhořit* «vzbudit v někom hořkost, trpkost, nelibost, roztrpčit, pobouřit», т.е. «вызвать в ком-либо горечь, недовольство, огорчить, возмутить» *rozhořit se* «roztrpčit se, pobouřit se, rozhněvat se», т.е. «огорчиться, возмутиться, разгневаться, рассердиться» (SSČ: 359). Таким образом, в семантике этих лексем целостно представлены два действия: огорчение и гневная реакция на него. Показательно, что одно из проявлений гнева мотивировано именем фрустрационной¹ эмоции — *hořkost* ‘огорчение’. Елена Петрухина не раз

¹ Фрустрация (от лат. *frustratio* «обман, тщетное ожидание, неудача») — состояние психики индивида, когда трудности представляются ему непреодолимыми; переживание тяжелой ситуации, невозможности достижения какой-то существенной цели, потребности. Сочетается с чувством безысходности, гнетущего напряжения, тревоги, разочарования, раздражения, гнева и др. Следствием может быть агрессивное поведение (Летягова 2005: 388).

высказывала применительно к видовой семантике чешского глагола мысль о том, что в чешском языке «имеется несколько словообразовательных моделей, выражающих целостное, квантовое восприятие действия» (Петрухина 2003: 428). По-видимому, в случае с лексической семантикой чешск. *rozhořčení* мы сталкиваемся с типологически сходным явлением, проявляющемся в лексической семантике чешского языка².

Польск. *oburzenie* этимологически связано не с *burza* ‘буря’, а с глаголом *ob-orzyć* ‘разрушить, уничтожить’ (ср. с тем же этимологическим корнем русск. *раз-орить*). Глагол **ОРТИ** в старославянском языке имел значения ‘выворачивать’, ‘опрокидывать’, ‘соблазнять’. К XVI в. польский глагол *oborzyć* в результате переразложения (*ob-orzyć* > *o-bo-rzyć*) и фонетических изменений, а также вследствие сходства значений стал восприниматься как префиксальное образование от глагола *burzyć* (см. Wańkowski: I; 99, II; 355, Brückner: 383, CCC: 415). Таким образом, в силу своей этимологии польск. *oburzenie* обозначает разрушительный гнев. Не случайно оно толкуется как «uczucie silnego gniewu, niezadowolienie z czegoś, sprzeciwu» (SJP: II; 432), т.е. «чувство сильного гнева, недовольства чем-нибудь, протеста».

В польском языке имеется и другое имя эмоции с тем же корнем — *wzburzenie* «stan podniecenia, zdenerwowania, niepokój, wtzenie, rozdrażnienie» (SJP: III; 871), т.е. «состояние возбуждения, взволнованности, беспокойство, кипение, раздражение». Данная лексема обозначает гнев, сочетающийся со страхом и болью, и будет рассмотрено ниже.

Рассмотренные языковые средства представлены в табл. 1.

Таблица 1

Имена эмоций, передающие гнев, направленный на демонстративную и публичную отрицательную оценку объекта

Русский язык	Польский язык	Чешский язык
<i>негодование</i> букв. «неудовольствие, состояние человека, которому не угодили» <i>возмущение</i> букв. «двигательное возбуждение»	<i>oburzenie</i> букв. ‘уничтожающий гнев’	<i>rozhořčení</i> целостность : ‘огорчение + гневная реакция на него’

² Такую же целостность лексической семантики обнаруживает и чешская эмоция *litość*, заключающая в своей семантике жалость к себе вследствие обиды или зависти и мгновенную агрессию, направленную на обидчика, объект зависти или даже совершенно постороннее лицо (см. подробнее: Агранович, Стефанский 2003: 116-117, Стефанский 2006).

(2) Языковые средства, передающие **гнев, сопряженный со страхом и болью**, представлены в сопоставляемых языках лексемами русск. *волнение* и *раздражение*, польск. *wzburzenie, zdenerwowanie, wzruszenie rozdrażnienie, irytacja*, чешск. *rozrušení, rozčilení, podráždění*.

В русском языке слово *волнение* и связанные с ним словообразовательно лексемы выражают гнев, связанный со страхом. Обычно именно страх рождает озлобленное состояние. См., например:

Он приблизился, держа фуражку, наполненную черешнями. Секунданты отмерили нам двенадцать шагов. Мне должно было стрелять первому: но **волнение злости** во мне было столь сильно, что я не понадеялся на верность руки, и чтобы дать себе время остыть, уступал ему первый выстрел (Пушкин).

То, о чем рассказывал больной на ухо, по-видимому, очень **волновало** его. Судороги то и дело проходили по его лицу. В глазах его плавал и метался **страх и ярость** (Булгаков).

Николка припал к холодному дереву кобуры, трогал пальцами хищный маузеров нос и чуть не заплакал от **волнения**. Захотелось драться сейчас же, сию минуту, там за Постом, на снежных полях. Ведь стыдно! Неловко... Здесь водка и тепло, а там мрак, буран, вьюга, замерзают юнкера. Что же они думают там в штабах? (Булгаков).

Гнев, сопряженный с болью, передается в русском языке лексемой *раздражение* (и ее дериватами). Этимологически она связана с глаголом *драть*. Таким образом, человек, испытывающий данную эмоцию, как бы раздираем изнутри от боли, вызываемой гневом.

В дождь и слякоть принужден он [станционный смотритель] бегать по дворам; в бурю, в крещенский мороз уходит он в сени, чтоб только на минуту отдохнуть от крика и толчков **раздраженного** постояльца (Пушкин).

Она [Лиза] обняла отца, обещалась ему подумать о его совете, и побежала умолять **раздраженную** мисс Жаксон, которая насилию согласилась отпереть ей свою дверь и выслушать ее оправдания (Пушкин).

В чешском языке по такому же принципу противопоставлены лексемы *rozrušení* 'волнение' и *podráždění* 'раздражение'. Однако в чешском языке имеется еще и лексема *rozčilení*, образованная от глагола *rozčilit se* «podlehnout prudkému neklidu, zlosti, rozzlobit se» (SSČ: 357), т.е. «подвергнуться бурному беспокойству, злости, разозлиться». Лексемы из данного гнезда могут соответствовать не только русским эмоциям *раздражение* и *волнение*, но и другим эмоциям со значением гнева. Ср.:

Poručík Dub odcházel **hněvivě** od vagónu, zapomenuv v **rozčilení** na Švejka, ačkoliv měl před chvílí ten nejlepší úmysl zavolat Švejka a říct mu: «Dejchni na mě!» (Гашек). — **Обозленный** подпоручик Дуб ушел, в **волнении** забыв о Швейке, хотя минуту тому назад намеревался позвать его и приказать: «Дыхни на меня!».

Vtom se přestal smát, jako když utne, a upadl do druhé krajnosti, jak to bývá zvykem u neurotiků — **rozčilil se** a utrl se **přísně** na Bezprizorného:

— Так tedy neexistuje, říkáte? (Булгаков).

Он [Воланд] перестал хохотать внезапно и, что вполне понятно при душевной болезни, после хохота впал в другую крайность — **раздражился** и крикнул **сурово**:

— Так, стало быть, так-таки и нету?

Rozčilil se a prohlásil, že nenávidí měšťáky (Кундера). — Он [Людвик] **разозлился** и объявил, что ненавидит мещан.

Nejblíže dveří seděl starý saperák Vodička a **rozčilený** pán se také první na něho obrátil (Гашек). — Старый сапер сидел ближе, и **взбешенный** господин накинулся сперва на него.

Rozčilený pán se chtěl vrhnout na Švejka, který stál klidně a spokojeně před ním (Гашек). — **Разъяренный** господин хотел броситься на стоявшего со спокойным и довольным видом Швейка.

V **rozčilení** odešla na hřbitovní správu (Кундера). — **Возмущенная** донельзя, она пошла в кладбищенскую контору.

“Dobrá, dobrá,” uklidňoval ho redaktor s předstíranou laskavostí, zamrkal na **rozčileného** básníka, kterému se ani trochu nelíbilo, že má hlídat pomateného Němce, a pak zamířil na roh Bronné a Jermolajevské uličky (Булгаков).

— Хорошо, хорошо, — фальшиво-ласково говорил Берлиоз и, подмигнув **расстроеному** поэту, которому вовсе не улыбалась мысль караулить сумасшедшего немца, устремился к тому выходу с Патриарших, что находится на углу Бронной и Ермолаевского переулка.

В сущности чешская эмоция *rozčilení* обозначает в широком смысле состояние аффекта. В таком состоянии человек испытывает как состояние страха, так и гнева. Недаром в русской юридической терминологии синонимичны выражения *в состоянии аффекта* и *в состоянии сильного душевного волнения*. Такой широкий спектр эмоций, обозначаемых чешским *rozčilit se*, возможно, связан с тем, что внутренняя форма этого глагола подобна русск. *расчувствоваться* ‘прийти в состояние умиления’ и польск. *rozczulić się* ‘растрогаться, расчувствоваться, умилиться’. Все перечисленные глаголы маркируют некое состояние выхода из эмоционального равновесия, но чешский глагол передает негативную эмоцию, а русский и польский — позитивную.

Показателен в этом смысле следующий фрагмент, где героиня испытывает эмоции, которые даже сама не может оценить с точки зрения позитивности — негативности:

I po pierwszej chwili **irytacji** poczułam, że, sama nie wiem: szacunek? **rozczenie**? wdzięczność? Krzysztof był wierny. Może pan zdziwi, ale to się liczyło. Nawet dla mnie (Сосновский). — После первых минут **раздражения** я почувствовала — даже сама не знаю, как это назвать, — уважение? **Растроганность**? Благодарность? Кшиштоф был верный. Возможно, вы удивитесь, но это имело значение. Даже для меня.

В польском языке, где в рассматриваемой группе насчитывается наибольшее количество языковых средств, также противопоставлены имена эмоций, обозначающие гнев, сопряженный со страхом (см. *wzburzenie, zdenerwowanie*), и имена эмоций, передающие гнев, связанный с болью (см. *rozdrażnienie, irytacja*). Ср., например:

Гнев, связанный с болью	Гнев, сопряженный со страхом
Doktor Szuman był zirytowany , Rzecki sztywny, Wokulski posepnny. (Прус). — Доктор Шуман был раздражен , Жецкий подавлен, а Вокульский мрачен.	— Почему, собственно, я так взволновался из-за того, что Берлиоз попал под трамвай? (Булгаков) — Właściwie dlaczego tak się zdenrowałem , kiedy Berlioz wpadł pod tramwaj — rozważał.
Доктор нахлобучил шляпу и шел молча, видимо, в сильном раздражении (Прус). — Doktor nasunął kapelusz na głowę i szedł zirytowany , milcząc.	— Где же он сейчас? — перебил администратора взволнованный финдиректор (Булгаков). — Gdzie on teraz jest? — przerwał administratorowi zdenrowany dyrektor finansowy.
— Совершенно с вами согласен, мессир, — вмешался в разговор кот, -именно тряпками, — и в раздражении кот стукнул лапой по столу (Булгаков). — Najzupełniej się z tobą zgadzam, messer — wmiślał się do rozmowy kocur — właśnie szmatami! — I rozdrażniony kot trzasnął łapą w stół.	В эту минуту панна Изабелла порывисто поднялась со своего места и подошла к ним; она была взволнована и возмущена (Прус). — W tej chwili panna Izabela wstała nagle od swego stolika i podeszła do nich; była wzburzona .

Лексема *irytacja* является заимствованием из латыни, которое в значении ‘раздражение’ проникло во многие европейские языки. Этимологически это слово имело значение ‘нарушать ритуал, вызывая тем самым гнев богов’ (Ваńkowski: I; 560). Слово *irritacja* со значением ‘возбуждение, волнение, раздражение’ в начале XIX века проникло

и в русский язык. См., например, в комедии Грибоедова *Горе от ума* реплику Скалозуба, адресованную Софье, которая упала в обморок, узнав о падении Молчалина с лошади:

Ну, я не знал, что будет из того вам **прритация** (БАС: V; 431).

В приведенном контексте этому архаизму русского языка соответствует современное *волнение*. Следует отметить, что русск. *волнение* может обозначать и приятные эмоции. БАС определяет эту лексему как «нервное возбуждение, вызванное ожиданием, страхом, тревогой, радостью». См., например:

Статьи Белинского [...] вызывали в них [Чернышевском и Добролюбове] **радостное волнение** (Плеханов).

В **волненьи радостном** народ // Валит за всадником, теснится (Пушкин).

Иван Петрович не долго предавался **сладостному волнению** родительских чувств. (Тургенев; БАС: II; 612).

Польские же *wzburzenie* и *zdenierwowanie* однозначно маркируют гнев. Вместе с тем в польском языке есть слово, которое, подобно русск. *волнение*, может обозначать как негативное, так и позитивное чувство. Это лексема *wzruszenie* «stan uczuciowy o przyjemnym lub przykrym zabarwieniu, występujący nagle i trwający krótko, ale w silnym napięciu, objawiający się zmianą w zachowaniu i przyspieszeniem niektórych procesów fizjologicznych» (SJP: III; 878), т.е. «эмоциональное состояние с приятной или неприятной окраской, возникающее неожиданно и длящееся недолго, но с большой интенсивностью, проявляющееся изменениями в поведении и ускорением некоторых физиологических процессов». Ср., например:

Wzruszenie = волнение с отрицательной окраской	Wzruszenie = волнение с положительной окраской
— Panie... nie wiedziałem... wszelką satysfakcję, jestem gotów... a najpierwiej — przepraszam... Byłem bardzo zirytowany... — mówił wzruszony pan Tomasz (Прус). — Сударь... я не знал... я готов на любое удовлетворение... а прежде всего — прошу извинить меня... Я был очень раздражен, — взволнованно говорил пан Томаш.	Wujaszek Berliozia był szczerze wzruszony zachowaniem nieznanego. „A mówią, że w naszych czasach nikt się już niczym nie przejmuje!” — pomyślał Popławski czując, że jemu samemu również zbiera się na płacz (Булгаков). — Дядя Берлиоза был искренне поражен поведением неизвестного. «Вот, говорят, не бывает в наш век сердечных людей!» — подумал он, чувствуя, что у него самого начинают чесаться глаза.

Языковые средства рассмотренной группы представлены в табл. 2.

Таблица 2

Имена эмоций, передающие гнев, сопряженный со страхом и болью

<i>Оттенки значения</i>	Русский язык	Польский язык	Чешский язык
‘страх’	—	<i>wzburzenie</i> <i>zdenierowanie</i>	<i>rozrušení</i>
‘состояние аффекта’	<i>волнение ±</i>	<i>wzruszenie ±</i>	<i>rozčilení</i>
‘боль’	<i>раздражение</i>	<i>rozdrażnienie</i> <i>irytacja</i>	<i>podráždění</i>

ЛИТЕРАТУРА

- С.З. Агранович, Е.Е. Стефанский: *Миф в слове: продолжение жизни*. Самара: Изд-во СаГА 2003.
- Агрессия в языке и речи*. Сб. научных статей. М.: РГГУ 2004.
- А. Вежбицкая: «ГРУСТЬ» и «ГНЕВ» в русском языке: неуниверсальность так называемых «базовых человеческих эмоций». В кн.: А. Вежбицкая: *Сопоставление культур через посредство лексики и грамматики*. М.: Языки славянской культуры 2001, с. 15–43.
- Дж. Лакофф: *Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении*. М.: Языки славянской культуры 2004.
- Т.В. Летягова, Н.Н. Романова, А.В. Филиппов: *Тысяча состояний души: краткий психолого-филологический словарь*. М.: Флинта: Наука 2005.
- В.Я. Петрухина: *Доминантные черты русской языковой картины мира (в сравнении с чешской)*. В кн.: *Русское слово в мировой культуре*. Материалы X Конгресса МАПРЯЛ. Санкт-Петербург, 30 июня — 5 июля 2003 г. Пленарные заседания: сборник докладов. В 2-х тт. Т. 1. СПб.: Политехника 2003, с. 426–432.
- Словарь современного русского литературного языка*. В 17 тт. М.–Л.: Изд-во АН СССР. 1954 (БАС).
- Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков)*. М.: Русский язык 1994. (ССС).
- Е.Е. Стефанский: *От жалости — к агрессии: динамика негативных эмоций в русской, польской и чешской лингвокультурах*. В кн.: *Концептосфера — дискурс — картина мира*. Международный сборник научных трудов по лингвокультурологии. Самара: Изд-во СаГА 2006, с. 46–71.
- Е.Е. Стефанский: *Концепт гнева в русской, польской и чешской лингвокультурах (центральные языковые средства)*. В кн.: *Язык на перекрестке культур*. Международный сборник научных трудов по лингвокультурологии. Самара: Изд-во СаГА 2007, с. 58–71.
- М. Фасмер: *Этимологический словарь русского языка*. В 4 тт. М. 1987.

- A. Bańkowski: *Słownik etymologiczny języka polskiego*. Warszawa: PWN 2000.
- A. Brückner: *Słownik etymologiczny języka polskiego*. Warszawa: Wiedza Powszechna 1974.
- A. Mikołajczuk: *Gniew we współczesnym języku polskim (analiza semantyczna)*. Warszawa: Energeia 1999.
- A. Mikołajczuk: *Konceptualizacja gniewu w polszczyźnie w perspektywie porównawczej*. W: *Anatomia gniewu: emocje negatywne w językach i kulturach świata*. Warszawa: Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego 2003, s. 111–124.
- Słownik języka polskiego*. Red. naukowy M. Szymczak. Warszawa 1981 (SJP).
- Slovník spisovné češtiny*. Praha: Akademia 2004 (SSČ).

Evgeny Stefanski

ON TWO PERIPHERIC MIKROSYSTEMS
WITH MEANING OF ANGER IN RUSSIAN, POLISH AND CZEKH

Summary

The article analyzes two groups of words, which mean different kinds of anger in Russian, Polish and Czech. The author pays special attention to the etymology of these words and reveals peculiarities of these emotion experiences by the Russian, Polish and Czech linguistic personality.

Jewgienij Stefanskij

O DWÓCH PERYFERYJNYCH MIKROSYSTEMACH ZE ZNACZENIEM GNIEWU
W JĘZYKACH ROSYJSKIM, POLSKIM I CZESKIM

Streszczenie

W artykule przeprowadzona została analiza dwóch grup wyrazów, które oznaczają gniew w językach rosyjskim, polskim i czeskim. Autor zwraca specjalną uwagę na etymologię tych wyrazów i uwidacznia specyficzne właściwości tych emocji w osobowości Rosjan, Polaków i Czechów.